

М.И. Драгомиров

Очерки австро-прусской войны в 1866 году

**С большим планом Кинеггрецкого поля
сражения**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.И. Драгомиров**
Очерки австро-прусской войны в 1866 году: С большим планом Кинеггрецкого поля сражения / М.И. Драгомиров – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 242 с.

ISBN 978-5-518-06452-2

ISBN 978-5-518-06452-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

первобытной необузданной энергии и если она сталкивается съ массой хотя и развитой, но неимѣющей никакой энергии. Но у прусаковъ развитіе, вслѣдствіе сказанныхъ условій, не исключило энергии. Они понимаютъ очень хорошо его значеніе, и у каждаго изъ нихъ непрерывно вертится на языкѣ, что сила ихъ заключается въ интеллигенціи и въ томъ, что они не запутаны въ долгахъ. И эти претензіи на интеллигенцію, несмотря на то, что проявляются нѣсколько можетъ быть хвастливо, очень и очень основательны: въ настоящую минуту едва ли многія изъ европейскихъ государствъ могутъ похвалиться такимъ количествомъ даровитыхъ людей, какимъ обладаетъ Пруссія, начиная отъ Бисмарка и кончая его противникомъ Вирховымъ.

Обратимся къ началу борьбы между Пруссіей и Австріей. Первый сигналъ къ ней подалъ Фридрихъ Великій, который отхватилъ Силезію подъ предлогомъ правъ, выведенныхъ при помощи натяжекъ. Затѣялась война, окончившаяся тѣмъ, что Силезія перешла къ прусакамъ въ 1742 году и, несмотря на послѣдующія войны, осталась за ними.

Изъ этихъ войнъ остановлюсь на кампаніи 1757 года, интересной потому, что она представляетъ во многихъ отношеніяхъ весьма большую аналогію съ послѣдней кампаніей. Та же конфигурація театра войны, разграниченнаго между противниками Руднымъ и Судетскимъ хребтами, отчасти тотъ же планъ вторженія, показавшій, что потомки Фридриха не утратили завѣщаннаго имъ этимъ великимъ человѣкомъ пониманія австрійцевъ. Въ 1757 году Фридрихъ вторгается разомъ съ четырехъ сторонъ въ Богемію: двумя массами изъ Саксоніи, по лѣвому берегу Эльбы, двумя по правому — отъ Герлица и Глаца. Для двухъ лѣвыхъ массъ, шедшихъ по тѣмъ самымъ направленіямъ, которыя избраны прусаками въ 1866 году, пунктомъ соединенія было назначено пространство между Турнау и Гичиномъ; то же видимъ и въ прошломъ году.

Въ 1757 году смѣлый подходъ къ непріятелю въ разрозненныхъ массахъ, по горнымъ дефиле; въ 1866 году то же самое радикальное отступленіе отъ совѣта теоріи — не назначать пункта сосредоточенія тамъ, гдѣ насъ можетъ предупредить противникъ — и тотъ же успѣхъ этого блистательнаго по своей дерзости маневра.

Погромъ 1806 г. долженъ былъ, повидимому, окончатель-

но подорвать только что начинавшую усиливаться Пруссию; на дѣлѣ же онъ принесъ ей энергическое пробужденіе національнаго инстинкта, народную армію, обязательную для всѣхъ сословій государства военную повинность, освобожденіе крестьянъ, нравственный авторитетъ въ Германіи, въ качествѣ государства, возставшаго въ ней первымъ противъ наполеонскаго ига, и, въ заключеніе, значительное територіальное расширеніе.

Войны начала нынѣшняго столѣтія привели и къ другому, весьма важному для Пруссіи, послѣдствію: поднявъ ея авторитетъ въ германскомъ мірѣ, онѣ въ то же время уронили авторитетъ Австріи; двуличное поведеніе послѣдней въ 1813 и 1814 годахъ осязательно для всякаго нѣмца показало, въ какой мѣрѣ можно рассчитывать на нее, какъ на надежную представительницу германскихъ интересовъ. А между тѣмъ, по вѣнскому трактату, Австрія осталась официальной представительницею германскихъ интересовъ, не имѣя прозорливости добровольно и заблаговременно отказаться отъ того, чего не была въ состояніи за собою удержать. Не трудно представить себѣ тотъ складъ отношеній, который долженъ былъ, вслѣдствіе этого, возникнуть между нею и Пруссіею. Онъ не замедлил обнаружиться при первыхъ взрывахъ, бывшихъ слѣдствіемъ реакціи, которая налегла на Европу съ низложеніемъ Наполеона.

Впрочемъ, прежде нежели дошло до открытой вражды, Пруссія дѣлала попытки, и не безуспѣшно, утвердить мирнымъ путемъ нравственный свой авторитетъ. Къ числу мѣръ, наиболѣе къ тому способствовавшихъ, конечно, должно отнести таможенный союзъ. Но всѣ подобныя мѣры по необходимости должны были вести, въ одно и то же время, и къ расширенію правъ народа, и къ стѣсненію прерогативовъ германскихъ владѣтелей. Понятно послѣ этого, что если Пруссія выигрывала въ народномъ расположеніи, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была возбуждать антипатію къ себѣ въ германскихъ властителяхъ. Эти послѣдніе душою и сердцемъ лежали къ Австріи, которая по собственному своему составу видѣла спасеніе только въ строгомъ консерватизмѣ, а слѣдовательно должна была поддерживать его и въ сопредѣльныхъ земляхъ.

Событія 1848 и 1849 годовъ, казалось, должны были утвердить наконецъ гегемонію Пруссіи въ Германіи; но это не состоялось. Пришлось ожидать новаго случая; но за нимъ дѣло

никогда не станетъ, если народъ чувствуетъ себя призваннымъ достигнуть извѣстной цѣли. Событія послѣднихъ десяти лѣтъ еще болѣе утвердили въ Пруссіи вѣру въ то, что призваніе ея—объединеніе Германіи. Принципъ національностей, провозглашенный въ Италіи, при содѣйствіи Наполеона III, былъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы сдѣлать попытку примѣненія его и къ Германіи, тѣмъ болѣе, что мечта о нѣмецкомъ единствѣ бродитъ уже давно. Недоставало только человѣка, который былъ бы въ состояніи провести ее въ жизнь. Этотъ человѣкъ явился въ лицѣ графа Бисмарка, назначеннаго первымъ министромъ нынѣ царствующаго прусскаго короля, въ сентябрѣ 1862 года.

Идея германскаго единства имѣетъ въ графѣ Бисмаркѣ дивнишняго и настойчиваго адепта: знавшіе этого замѣчательнаго человѣка прежде утверждаютъ, что онъ проводилъ ее совершенно открыто задолго до того времени, когда сталъ въ положеніе перейти къ практической попыткѣ ея осуществленія. Желѣзная настойчивость, способность не останавливаться ни передъ чѣмъ на пути къ поставленной цѣли и такая дипломатическая ловкость, несмотря на рѣзкость тона, въ которой онъ въ настоящую минуту едва-ли имѣетъ себѣ равнаго. Вотъ отличительныя черты характера Бисмарка. Ему все служить для достиженія цѣли: и принципъ національностей, несмотря на то, что онъ революціонный; и крайній консерватизмъ прусской дворянской партіи, опираясь на который Бисмаркъ проводитъ вопросы высшаго государственнаго интереса, непостижимые, положимъ, и для благонамѣреннаго, но близорукаго либерализма нижней палаты; и хитрость французскихъ государственныхъ людей, попадающихъ въ собственныя сѣти; и продажность французской прессы и, наконецъ, революціонная партія венгерской эмиграціи. Изъ этого уже видно, что непопулярность его, какъ крайняго абсолютиста и консерватора, едва-ли вѣрна. Консерваторскаго не много во всемъ томъ, на что указано выше. Вѣроятнѣе предположить, что это человѣкъ, который въ данную минуту пользуется тѣмъ орудіемъ, которое ему пригоднѣе для достиженія цѣли. Онъ не изъ тѣхъ людей, которые служатъ партіямъ, но изъ тѣхъ, которые ихъ употребляютъ. Бывшую непопулярность его, сколько мнѣ кажется, скорѣе слѣдуетъ приписать не тому, что онъ проводилъ, а манерѣ, съ которой проводилъ. Отвѣчалъ онъ своимъ противникамъ почти

всегда саркастически и не останавливался при этомъ ни передъ какими рѣзкостями. Онъ не спорить, не возражаетъ; онъ бьетъ словомъ, и вдобавокъ бьетъ не убивая, а только дразня. Въ подтвержденіе этого укажу на тотъ случай, какъ онъ примѣнилъ однажды къ палатѣ депутатовъ законъ о дерзости слугъ противъ господъ, и на депешу по адресу Австріи передъ войною, о которой буду еще говорить и въ которой онъ заявляетъ, что Австрія желаетъ войны, чтобы или поправить финансы прусскими контрибуціями, или же извинить банкротство неудачей войны.

Поводъ къ началу объединенія Германіи подали герцогства Шлезвигъ и Голштейнъ, давно искушавшія Пруссію, представляя превосходную морскую позицію; благовидный предлогъ къ войнѣ представлялся и въ двойственности положенія Голштейна, какъ датской провинціи и члена Германскаго Союза, и въ томъ, что настояла необходимость защитить нѣмецкое населеніе Шлезвига, яко бы угнетаемое датчанами.

Но Австрія понимала виды Пруссіи и рѣшилась стать имъ въ разрѣзъ тѣмъ, что приняла участіе въ шлезвигъ-голштейнской войнѣ. Австрійскіе государственные люди рассчитывали, что уже самый фактъ совмѣстнаго завоеванія дастъ имъ возможность сдѣлать изъ герцогствъ самостоятельное государство Германскаго Союза и не допустить Пруссію до захвата. Но вышло не такъ, потому что въ Пруссіи безстрашно смотрѣли на могущее возникнуть столкновеніе, желали его и были къ нему готовы. Австрійскіе дипломаты не совсѣмъ, кажется, поняли Бисмарка, считая его своимъ собратомъ въ томъ отношеніи, что онъ будетъ переговариваться сколько угодно, но отъ словъ не рѣшится перейти къ дѣлу.

Считаю небезъинтереснымъ сдѣлать краткій очеркъ шлезвигъ-голштейнскаго столкновенія, ибо оно послужило поводомъ къ австро-прусской войнѣ.

По заключеніи мира съ Даніею, 30-го октября 1864 г., Австрія и Пруссія вступили во владѣніе герцогствами, оставивъ тамъ окупаціонный корпусъ изъ прусскихъ войскъ (6 полковъ пѣхоты, 2 кавалеріи и 3 батареи) и австрійскихъ бригада Калика—7 баталіоновъ, 2 эскадрона, 1 батарея).

Вскорѣ по заключеніи мира, Австрія предложила Пруссіи уступить герцогства Фридриху Аугустенбургскому; но здѣсь и обнаружилось, что Пруссія вовсе и не думала отказываться отъ

завоеванія. Австрія, опираясь на свои права какъ завоевателя и на франкфуртскій сеймъ, думала застращать Пруссію громкими словами въ родѣ того, что „союзъ не долженъ терпѣть, чтобы въ его составъ могъ быть введенъ несамостоятельный членъ“. Но Пруссія отвѣчала на это, что бранденбургскій домъ имѣетъ также права на завоеванную территорію, и что самый фактъ завоеванія уничтожаетъ какія бы то ни было постороннія наслѣдственныя права.

Впрочемъ, въ концѣ февраля 1865 г., Пруссія сообщила австрійскому кабинету тѣ условія, на которыхъ она можетъ согласиться на уступку герцогствъ кому-либо изъ претендентовъ, *имѣя въ виду свои и общегерманскіе интересы*. По мнѣнію прусскаго кабинета, эти интересы требовали: 1) Чтобы вооруженныя силы герцогствъ, сухопутныя и морскія, составляли нераздѣльную часть прусской арміи, а желѣзно-дорожное и телеграфное управленія были слиты съ прусскими; вмѣстѣ съ тѣмъ Шлезвигъ-Голштейнъ вступаетъ въ таможенный союзъ. 2) Чтобы содержаніе вооруженныхъ силъ было предоставлено Пруссіи, за извѣстное ежегодное вознагражденіе, которое должны уплачивать герцогства. 3) Чтобы система обороны герцогствъ была опредѣлена по соглашенію ихъ правительства съ прусскимъ, по на основаніи общихъ военныхъ цѣлей и потребностей, *признанныхъ Пруссіею*. 4) Чтобы Пруссіи, за защиту герцогствъ, были уступлены: а) Зондербургъ съ пространствомъ по обоимъ берегамъ Альсзунда; б) пространство для обезпеченія кильской гавани и крѣпости Фридрихсортъ; в) пространство при устьяхъ проектированнаго канала и надзоръ на протяженіи его. Видно и безъ объясненія, что, при подобныхъ условіяхъ, Шлезвигъ-Голштейнъ пользовался бы только номинальною, а не дѣйствительною самостоятельностью. Въ Австріи не могли, конечно, согласиться на подобныя условія, и Менсдорфъ, въ началѣ марта, довольно рѣшительно заявилъ это несогласіе, прямо замѣтивъ, что требованія, поставленныя такимъ образомъ, имѣютъ въ виду не германскіе, а собственно прусскіе интересы.

Переговоры на нѣкоторое время были прекращены, не только не уяснивъ положенія, но сдѣлавъ его еще болѣе натянутымъ. Австрія не могла, конечно, оставить этого дѣла такимъ образомъ, ибо не могла и думать, и по отдаленности, и по недостатку средствъ, объ утвержденіи въ герцогствахъ

такого вліянiя, которое преобладало бы надъ прусскимъ или покрайней мѣрѣ равнялось ему. Вслѣдствіе этого она рѣшилась дѣйствовать чрезъ сеймъ; большинство его членовъ, какъ представителей мелкихъ владѣній, государямъ которыхъ ясно было видно, что участь, постигшая Шлезвигъ-Гольштейнъ, рано или поздно ожидаетъ и ихъ, было совершенно расположено поддерживать австрійское предложеніе о кандидатурѣ принца Аугустенбургскаго. Вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ 1865 г., въ сеймъ поступило предложеніе о томъ, чтобы онъ высказалъ „полное надежды ожиданіе, что правительства Австріи и Пруссіи благоволятъ передать герцогства принцу Аугустенбургскому; о рѣшеніи же относительно герцогства Лауэнбургъ не откажутъ сообщить союзу“. Предложеніе это было принято большинствомъ голосовъ. Имѣлъ ли средства сеймъ поддержать это рѣшеніе, и рѣчи быть не можетъ; онъ этихъ средствъ не имѣлъ: опредѣленія его, какъ нѣкогда опредѣленія амфиктіона судилища, тогда только могли имѣть значеніе, когда ихъ желали слушаться. Это одно уже показываетъ, что эта меттерниховская организація совершенно лишена была жизненной силы; и если не развалилась ранѣе, то благодаря только искусственной поддержкѣ.

При меньшей рѣшительности Бисмарка и при менѣе ясномъ пониманіи того, чего Пруссія можетъ ожидать отъ сейма, подобное заявленіе, можетъ быть, нѣсколько и запугало бы прусаковъ; но Бисмаркъ, ставъ на ту точку, что призваніе Пруссіи заключается въ объединеніи Германіи, видѣлъ совершенно ясно, что, кромѣ оппозиціи, ничего и не можетъ встрѣтить въ сеймѣ. Главное, чего Пруссія могла опасаться, въ случаѣ открытаго столкновенія, это, конечно, иностраннаго, и именно французскаго, вмѣшательства; но съ этой стороны Бисмаркъ обставилъ себя превосходно. Онъ умѣлъ усыпить французскій кабинетъ, не связавъ себя въ то же время никакими положительными обязательствами. Можетъ быть, это ему и не удалось бы, если бы не общераспространенное во Франціи убѣжденіе, что прусаки будутъ побиты въ случаѣ столкновенія съ австрійцами. При этомъ убѣжденіи, французскому кабинету не только не было интереса останавливать прусаковъ, а, напротивъ, представлялось выгоднымъ по возможности расположить ихъ къ столкновенію. Предполагая неудачный исходъ этого послѣдняго, можно было бы явиться посредникомъ въ самую кри-

тическую минуту, конечно, за известное вознаграждение со стороны Рейна. Правда, это только гипотеза; но мы не можем объяснить себѣ того спокойно-созерцательнаго положенія, въ которомъ оставались во Франціи до самой кениггрецкой битвы, ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что тамъ рассчитывали на поражение прусаковъ. Не менѣе ловко обставилъ себя Бисмаркъ и съ другой весьма важной въ наше время стороны: со стороны такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Что это въ наше время большая сила — въ томъ и спора быть не можетъ; но что оно бываетъ нерѣдко силою слѣпою, которую можно направить газетами въ какую угодно сторону, то это тоже едва ли подлежить сомнѣнію. Пусть припомнятъ, какъ ловко, при помощи французскихъ газетъ, было подготовлено общественное мнѣніе западной Европы противъ насъ въ эпоху польскаго возстанія, и, вѣроятно, согласятся съ нами.

Прусаки, предпринимая завоеванія, и притомъ въ центрѣ Европы, распорядились такъ ловко, что объ этомъ французскія газеты почти не говорили въ моментъ исполненія; а когда нѣкоторыя изъ нихъ начали кричать, дѣло было уже покончено.

Итакъ, и правительство, и общественное мнѣніе во Франціи если не восторгались, то, во всякомъ случаѣ, и не перечили стремленіямъ Пруссіи, тѣмъ болѣе, что исходъ ихъ никому и въ голову не могъ придти.

И въ этомъ случаѣ нельзя не отдать справедливости гениальной ловкости, съ какою Бисмаркъ умѣлъ обставиться со всѣхъ сторонъ. Всѣмъ памятно, вѣроятно, какъ, при началѣ столкновенія, говорили, что оно затѣвается для того только, чтобы отвлечь вниманіе прусаковъ отъ внутреннихъ дѣлъ; сами прусаки вѣрили въ это; вѣроятно, по личному опыту, вѣрили въ это также и во Франціи. При такой обстановкѣ, кому же могло придти въ голову, что дѣло окончится слитіемъ большей части Германіи?

Обратимся къ Шлезвигъ-Голштейну. Столкновенія между австрійскими представителями власти и прусскими шли своимъ чередомъ. Они были неизбежны, ибо Пруссіи хотѣлось во что бы то ни стало овладѣть герцогствами, хотя бы даже и съ ограниченіями; Австріи же хотѣлось не допустить этого захвата, въ какой бы онъ формѣ ни состоялся.

Это должно было заставить антагонистовъ войти въ новые переговоры. Въ искреннемъ расположеніи уладить дѣло не

было недостатка, доказательствомъ чего служить то, что государи Пруссіи и Австріи лично сѣхались для соглашенія въ Гаштейнъ; но рядомъ съ этимъ расположеніемъ было не менѣе, если не болѣе, сильно и стремленіе съ каждой стороны добиться задушевныхъ своихъ цѣлей, діаметрально противоположныхъ другъ другу.

Тѣмъ не менѣе, соглашеніе, хотя призрачное только, состоялось въ формѣ гаштейнскаго трактата, ратификованнаго 20-го августа 1865 года.

Для Пруссіи онъ былъ положительной побѣдой, ибо сводилъ Австрію съ точки той строгой послѣдовательности основнымъ постановленіямъ Германскаго Союза, которой до того она старалась держаться.

По этому трактату управленіе герцогствами было раздѣлено между Пруссіей и Австріей: первая взяла Шлезвигъ, вторая Голштейнъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ принципѣ признавалась *общность владѣтельныхъ правъ обѣихъ державъ надо всей завоеванной территоріей*. Пруссія и Австрія обязывались въ то же время предъявить сейму о необходимости заведенія союзнаго флота, а въ ожиданіи утвержденія этого предложенія со стороны германскаго сейма кильскою гаванью могутъ пользоваться одинаково какъ прусскій, такъ и австрійскій флотъ (*); *но командованіе, полицейскій надзоръ и всѣ территоріальныя права, необходимыя для всесторонняго обезпеченія этой гавани, предоставляются Пруссіи*. Остальные пункты касаются этапныхъ дорогъ для Пруссіи по Голштейну, телеграфныхъ линій и желѣзныхъ дорогъ, объявленія Рендсбурга союзной крѣпостію, устройства сѣвернаго канала; послѣдній пунктъ, относительно герцога Лауэнбургскаго, гласилъ, что императоръ австрійскій передаетъ свои права на него королю прусскому за 2,500,000 талеровъ. Такимъ образомъ, присоединеніе земли, составлявшей собственность Германскаго Союза, началось.

Гаштейнскій трактатъ поднялъ немалый шумъ: не говоря уже о германскихъ мелкихъ владѣтеляхъ, противъ него протестовали Франція и Англія. Какъ кажется, тамъ начали понимать, что едва-ли онѣ поступили разсчетливо, допустивъ разыграться шлезвигъ-голштейнской войнѣ. Кромѣ того, національная партія видѣла въ этомъ деспотическій захватъ союзной территоріи. Наконецъ и прусская палата также изъявила не-

(*) Только какъ было попасть послѣднему въ эту гавань?

удовольствіе на присоединеніе Лауэнбурга безъ согласія камеръ, ибо прусскій король по конституціи не можетъ быть владѣтелемъ чужихъ земель, и изъ-за обладанія которыми могутъ возникнуть затрудненія для Пруссіи.

Но къ оппозиціи палатъ уже привыкли; привыкли также и къ тому, чтобы не обращать на нее вниманія. Не касаясь вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ конституціонны подобныя отношенія къ представительству страны, нельзя не замѣтить однакожь, что они мотивировались въ значительной мѣрѣ отсутствіемъ государственнаго такта и прозорливости со стороны представителей по многимъ вопросамъ, и въ особенности по вопросу о реорганизаціи арміи, о которомъ скажу ниже.

Король прусскій уплатилъ условленную сумму изъ своей кассы, и 18-го сентября прусаки заняли Лауэнбургъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прусаки очистили Голштейнъ, губернаторомъ котораго назначенъ Габленцъ; въ помощь ему по гражданскому управленію оставленъ Гальбгуберъ; губернаторомъ Шлезвига назначенъ Мантейфель и при немъ, во главѣ гражданского управленія, Цедлицъ.

Первое время по заключеніи гаштейнскаго трактата сулило согласіе между союзниками: они единодушно адресовали угрожающую ноту сейму, въ отвѣтъ на протестъ противъ гаштейнскаго трактата; съ такимъ же единодушіемъ они отвѣчали отказомъ на предложеніе сейма о скорѣйшемъ созваніи чиновъ Голштейна для рѣшенія его судьбы и о содѣйствіи включеніи Шлезвига въ составъ Германскаго Союза.

Но это единодушіе не было продолжительно. Вскорѣ возобновилось то же, что было и до гаштейнскаго трактата, только съ нѣкоторыми вариантами. Между тѣмъ какъ въ Пруссіи вопросъ о правѣ владѣнія подвергли обсужденію кронъ-юристовъ, которые признали, что всѣ права на герцогства истекаютъ изъ мира 30-го октября, которымъ право аугустенбургскаго дома уничтожено, если бы оно даже и существовало, австрійскія власти въ Голштиніи продолжали не только допускать, но даже поощрять агитацію въ пользу принца Аугустенбургскаго, несмотря на заявленіе Бисмарка, что подобная агитація должна быть разсматриваема какъ измѣна, ибо направлена противъ верховныхъ правъ на герцогства австрійскаго и прусскаго государей. Взглядъ этотъ былъ выраженъ въ нотѣ отъ 20-го января 1866 г., въ которой былъ даже сдѣланъ намекъ, что поведеніе

голштейнской администраціи можетъ повести къ уничтоженію добрыхъ отношеній, установившихся между обоими кабинетами.

Бисмаркъ не остановился на этой нотѣ: собраніе шлезвигъ-голштейнскаго ферейна въ Альтонѣ, позволившаго себѣ самыя рѣзкія выходки противъ Пруссій, подало поводъ къ новой нотѣ. Въ этой нотѣ Бисмаркъ, напомнивъ о прекрасныхъ дняхъ Гаштейна и Зальцбурга, когда онъ увлекался мыслию, что Пруссія и Австрія будутъ дѣйствовать заодно противъ революціонныхъ тенденцій, приходитъ къ разочарованію въ этой надеждѣ.

„Если въ Вѣнѣ расположены спокойно смотрѣть на революціонное перерожденіе издавна извѣстнаго своимъ консервативнымъ смысломъ превосходнаго голштинскаго населенія, то Пруссія принимаетъ окончательно рѣшимость не дѣйствовать такимъ образомъ.“

„Гаштейнскій трактатъ—продолжаетъ Бисмаркъ—только временно допустилъ раздѣленіе герцогствъ; но Пруссія имѣетъ право требовать, чтобы Австрія, въ теченіе этого переходнаго періода, сохранила *statu quo* въ Голштиніи на столько же, сколько обязана сохранить его Пруссія въ Шлезвигѣ. Прусское правительство проситъ вѣнскій кабинетъ обратить вниманіе на это обстоятельство и дѣйствовать сообразно съ нимъ. Въ случаѣ полученія уклончиваго или отрицательнаго отвѣта, Пруссія будетъ приведена къ убѣжденію, что Австрія, *подъ вліяніемъ традиціоннаго антагонизма*, не рассчитываетъ долгое время идти съ нею по одному пути. Убѣжденіе это было бы, конечно, крайне тягостно; но Пруссія должна же наконецъ уяснить себѣ истину. Если, такимъ образомъ, ее лишатъ возможности дѣйствовать заодно съ Австріею, то она должна тѣмъ самымъ пріобрѣсть *полную свободу* въ дѣлахъ своей политики и пользоваться ею сообразно своимъ интересамъ.“

Дѣло, кажется, становилось ясно. На столь рѣшительное заявленіе, Австріи, кажется, проще всего было бы отвѣтить, что она не намѣрена допустить утвержденія власти Пруссіи въ герцогствахъ и будетъ противодѣйствовать этому всѣми зависящими отъ нея средствами; но прямые отвѣты не въ привычкахъ австрійскихъ дипломатовъ. Отвѣтъ отъ 7-го февраля послѣдовалъ уклончивый. Австрійскій кабинетъ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность въ томъ, что эльбскія герцогства находятся еще въ неопредѣленномъ состояніи; онъ считаетъ себя въ дѣлѣ управленія Голштиніей на весь переходный періодъ